

В. Ф. ПУСТАРНАКОВ

М. А. Бакунин как философ

Имя М. А. Бакунина как деятеля не только российского, но и общеевропейского масштаба, начало греметь еще в 40-х годах XIX в., когда он, выехав в 1840 г. за границу, принял активное участие в западноевропейском революционном движении. За неподчинение требованию правительства Николая I вернуться на родину сенат в 1844 г. заочно приговорил его, выходца из аристократического рода, к лишению всех прав и к ссылке на каторгу — случай для 40-х годов экстраординарный. Уникальной стала также судьба М. А. Бакунина — участника западноевропейских революций 1848–1849 годов: суды Саксонии и Австрии дважды приговаривали его к смертной казни. Как крупный «государственный преступник» он был выдан в 1851 г. николаевскому правительству и полной чашей испил тяготы заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а затем ссылки. Бежав в 1861 г. из Сибири, Бакунин вновь окунулся в стихию революционной борьбы, опять стал играть роли выдающиеся, но, увы, теперь роли объективно неоднозначные применительно к объективно разным условиям российской и западноевропейской действительности. В эпоху борьбы за буржуазно-демократические преобразования в России бакунинские революционные идеи сыграли в основном полезную, прогрессивную роль: они легли в основу одного из трех основных направлений российского революционного народничества 70-х годов XIX в. А вот в условиях западноевропейских, в условиях уже развитого пролетарского движения, все более и более становившегося под знамена революционного марксизма, деятельность Бакунина, оформившегося во второй половине 60-х годов в «качестве идеолога и практика анархизма, оказалась реакционной, особенно в I Ин-

тернационале, и нанесла западноевропейскому революционному движению огромный вред.

Анархистские идеи Бакунина сказываются до сих пор: современные анархисты и анархо-синдикалисты на Западе вкривь и вкось склоняют бакунинские идеи, хотя наиболее думающие из них фактически признают искусственный по преимуществу характер преемственности между анархизмом Бакунина и современным анархизмом и понимают, что, если бы современный анархизм оставался таким, каким он был во времена Бакунина, он был бы безжизненным, был бы трупом.

Еще более неоднозначную роль, нежели социально-политические идеи, сыграли в истории философские взгляды Бакунина. Еще не оценена по достоинству его роль в развитии русской философской мысли в доанархистский период. Да и с философскими взглядами Бакунина-анархиста есть еще много неясностей. Нет убедительного доказательного ответа на вопрос: а был ли Бакунин-анархист философом в подлинном смысле этого слова? Ведь до сих пор о нем пишутся книги с подзаголовком: «Жизнь — против науки», а некоторые говорят, что он руководствовался в своей деятельности не разумом, а рефлексам.

О философских идеях Бакунина написано пока мало, зачастую очень бегло и далеко не всегда верно*. И утверждение о том, что он

* Из отечественной литературы, в значительной степени посвященной анализу философских взглядов М. А. Бакунина, отметим богатые фактическим материалом две книги А. А. Корнилова — «Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма» (М., 1915) и «Годы странствий Михаила Бакунина» (Л.; М., 1925), а также издания: *Степков Ю. М.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814–1876. М., 1926–1927. Т. I–IV; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Идеологи русского народничества. Л., 1966 (раздел «М. А. Бакунин»); *История философии в СССР.* М., 1968. Т. 2. С. 287–296; *Мусеев П. И.* Критика философии М. Бакунина и современность. Иркутск, 1981.

В ПНР появился ряд работ, анализирующих, в частности, философию М. А. Бакунина: *Temkinowa H.* Bakunin i antynomie wolnosci. Warszawa, 1964; *Walicki A.* Rosyjska filozofia i mysl spoleczna od oswiecenia do marksizmu. Warszawa, 1973, и др.

В очень обширном буржуазном бакуниноведении анализу собственно философских взглядов М. А. Бакунина до сих пор отводится сравнительно незначительное место, о чем можно судить хотя бы по материалам проведенного в 1977 г. французским Институтом славяноведения в сотрудничестве с рядом славяноведческих и советологических организаций международного коллоквиума, посвященного 100-летию со дня смерти М. А. Бакунина (материалы опубликованы в сборнике «*Bakounine. Combats et débats*». Paris, 1979). Из трудов последних десятилетий, вышедших на Западе, в которых сравнительно

был не только практиком-революционером, но также настоящим философом, нужно еще и еще раз доказывать. <...>

Если логически исходным пунктом онтологической и натур-философской проблематики Бакунина является его концепция материи, то аксиологическим центром всей его «системы мира» является *человек*. В конечном счете природа интересует Бакунина, как и всякого антропоцентриста, лишь постольку, поскольку она является в его глазах базисом человека.

Вполне в духе материализма Бакунин доказывал, что человек составляет одно целое со всей природой и является продуктом бесконечного множества исключительно материальных причин. Для идеалистов всех школ утверждение о том, что человек со всем своим великолепным умом, высокими идеями и бесконечными стремлениями есть — как и все существующее в мире — не что иное, как материя, не что иное, как продукт этой грубой материи, кажется оскорбительным, но это утверждение — истина. Человек прошел путь от органической жизни, начав с едва организованной клетки, через все видоизменения вначале растительной, а потом животной организации. Человек — последнее звено, высшая ступень в непрерывном ряде существ, составляющих известный нам мир. Но останется ли он последним и самым совершенным органическим созданием на земле? Возможно, что в будущем от самой высшей разновидности человеческой породы произойдет порода существ, более высоких, чем человек. Но этого может и не случиться. Природа действует очень медленно, и в настоящее время ничто не указывает, чтобы человечество могло породить из себя высшую породу существ. По-видимому, Бакунина вполне удовлетворял тот факт, что природа продолжает свой непрерывный труд непрестанного творения в историческом развитии человеческого рода.

Ближайшая по отношению к человеку природная среда — животный мир. Человек животное, но такое животное, которое благодаря более высокому развитию своего организма, в особенности мозга,

пространно рассматриваются философские взгляды М. А. Бакунина, отметим: Carr E. H. Michael Bakunine. New York, 1961 (первое издание — 1937 г.); Hepner B. Bakounine et le panslavisme revolutionnaire. Paris, 1950; см. также Avron H. Michel Bakounine ou la vie contre la science. Paris, 1966.

Наиболее крупным событием в современном западном бакуниноведении является еще не законченное весьма солидное и богато документированное издание под редакцией Артура Ленинга «Archives Bakounine» (Amsterdam; Leiden, 1961–1968. Vol. I–IV), которое было переиздано как Полное собрание сочинений Бакунина (см.: *Bakounine M. A. Oeuvres completes*. Paris, 1973–1979. T. 1–7).

обладает способностью мыслить и выражать свои мысли словами. В этом состоит все различие, отделяющее человека от всех других животных. Различие это, однако, огромно. Оно — единственная причина всего того, что называется историей, сущность и смысл которой могут быть выражены словами: человек выходит из животного состояния, чтобы прийти к человечности, т. е. к устройству своего общественного существования на основах науки, сознания, разумного труда и свободы. Тем самым Бакунин перебрасывает мостик от общефилософского и естественнонаучного аспекта своей антропологии к социологическому ее аспекту, к проблеме человека в обществе, в истории.

Еще одна важная проблема натурфилософского и естественнонаучного аспекта бакунинской антропологии — это проблема материалистического толкования психофизической природы человека. Примечательно, что при решении этой проблемы, особенно части ее, непосредственно относящейся к учению о мозге человека, Бакунин ссылался на труды И. М. Сеченова¹. Бакунин подчеркивал, что он отрицает существование души как духовной субстанции, независимой и отделимой от тела, утверждал, что то, что неправильно называется душой, — интеллектуальные и моральные качества человека — является прямым продуктом или, скажем лучше, естественным, непосредственным выражением степени органического развития мозга человека. «...По учению материалистов, действительный дух есть не что иное, как функционирование совершенно материального организма человека»*.

Как же можно было, исповедуя такие внешне сугубо объективистские взгляды на природу и на человека как продукт и часть природы, оказаться апостолом вроде бы «безусловной», «абсолютной» свободы и был ли Бакунин вообще сторонником такой «свободы»?

Первые признаки ощутимой связи между общефилософскими и практически-программными анархистскими представлениями Бакунина можно заметить тогда, когда этот идеолог анархизма решает вопрос о реакции человека на окружающую его природу, о том, какие у человека есть возможности активного воздействия на природу, возможности борьбы с нею.

Изначальные условия активности человека Бакунин ищет не в отрицании объективных закономерностей природы, а, наоборот, именно в этих объективных закономерностях. По его мнению, именно

* Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 473.

мировая, бессознательно, фатально и слепо действующая причинность, совокупность механических, физических, химических, органических, животных и социальных законов, побуждает человека к действию и является истинным, единственным творцом не только животного, но и человеческого мира. Эта основная тенденция жизни, будучи инстинктивной, почти механической в высших видах животных, достигает полного самосознания в человеке; человек, одаренный способностью сочетать, группировать и полностью выражать свои мысли, человек, способный к отвлечению в своем мышлении от внешнего мира и даже от своего собственного внутреннего мира, способен возвыситься до всеобщности вещей и существ, и с высоты этого отвлечения он может сравнивать, критиковать, упорядочивать и подчинять свои собственные потребности, никогда не имея, естественно, возможности выйти за пределы жизненных условий своего собственного существования. Это позволяет ему в указанных ограниченных пределах и не имея возможности ничего изменить в мировом и фатальном течении действий и причин определять свои собственные деяния, и это даже дает человеку ложную видимость независимости по отношению к природе. Но если эту возможность активности осветить наукой и регулировать волей, то животный труд или же активность, фатально навязанные всем живым существам, в том числе и человеку, как основное условие их жизни могут быть направлены на изменение внешнего мира в соответствии с потребностями человека. «Будучи существом эфемерным и незаметным, затерявшимся в безбрежном океане мировых превращений, перед неведомой вечностью за собой и безграничной вечностью, перед собой, человек мыслящий, человек активный, человек, сознающий свое человеческое предназначение, остается спокойным и гордым в ощущении своей свободы, которую он завоевывает, освобождая самого себя посредством труда, посредством знания и освобождая (бунтуя в случае надобности) всех окружающих людей, себе подобных, своих братьев»*. Эта задача человека неисчерпаема, бесконечна и вполне достаточна для того, чтобы удовлетворить чаяния самых горячих и самых честолюбивых умов и сердец.

Может ли мыслящий и активный человек бороться с природой, преобразовывать ее? Он «не может ни остановить, ни изменить этот мировой ход действий и причин; он не способен изменить никакой закон природы, так как он сам существует и действует, сознательно или бессознательно, в силу этих законов»**. Но, будучи

* Там же. С. 350.

** Там же. С. 382.

первоначально лишь продуктом природы, человек со временем сам становится относительной причиной новых действий. Перед лицом всего мироздания, Природы с большой буквы, никакой бунт против законов природы невозможен. Но против природы, непосредственно окружающей человека, возможен «бунт» мыслящего и активного человека, опирающегося на свой труд и на науки.

* * *

Некоторые авторы утверждают, что *гносеология* представляет самую слабую часть философского учения Бакунина. Нам думается, что гносеологические идеи М. А. Бакунина по крайней мере столь же сильны, как и его онтологические взгляды, а может быть, даже сильнее их.

Что касается вопроса о природных предпосылках ума, сознания, мышления, о сходстве мышления человека с «умом» животных, о мозге как органе мышления, то здесь Бакунин ни в коей степени не ушел от антропологического материализма. Но вот тот факт, что Бакунин в своих гносеологических представлениях во многом преодолел «гносеологическую робинзонаду» и близко подошел к правильному решению вопроса о социальной сущности человеческого сознания и познания и соответствующим образом изложил принципы научного познания, — это уже свидетельство действительного выхода из пределов антропологического материализма. Настаивая на мысли о том, что человек вышел из животного состояния, Бакунин тем не менее очень сурово осуждал вульгарных натуралистов, которые оказались столь счастливы, открыв родственную связь человека с гориллой, что «хотели бы всегда сохранить его в животном состоянии и отказываются понять, что все историческое назначение, все достоинство и вся свобода человека заключаются в том, чтобы удалиться от этого состояния». От признания влияния естественного (физиологического) фактора на формирование человека Бакунин не отказывается, но тем не менее часто он вообще абстрагируется от этого фактора, утверждая, например, что «в огромном большинстве случаев человек является всецело продуктом социальных условий, в среде которых он развивается...»*. А часто он был еще более категоричен: человек *«рождается в недрах общества, и вне общества он не мог бы жить, как человек, ни даже стать человеком, ни мыслить, ни говорить, ни хотеть, ни действовать разумно.* Ввиду того что общество формирует и определяет его человеческую сущность, человек находится в такой же абсолютной зависимости

* Там же. С. 329.

от общества, как от самой физической природы, и нет такого великого гения, который всецело был бы свободен от влияния общества»*. А в частности, это значит, что общество необходимо предшествует зарождению мысли, слова и воли человека.

Но как же в таком случае быть с бакунинскими утверждениями о том, что мысль — это продукт органического развития, функция мозга и т. д.? Бакунин находит весьма оригинальную систему аргументации для согласования тезиса о мысли как продукте мозга и мысли как продукте общества. Каждый, утверждает он, рождается с индивидуальной, материально определенной природой. Но организация человеческого мозга каждого предопределяет хотя и материальные, но вместе с тем лишь формальные способности чувствовать, думать, говорить и хотеть, возможность образовывать и развивать идеи, лишь деятельную чисто *формальную силу*, без всякого содержания. Первоначальное содержание вкладывает в нее общество. Способность мыслить как формальная потенция, ее степень и ее индивидуальные особенности в каждом человеке зависят прежде всего от более или менее удачного строения его мозга. Но в дальнейшем эта способность упрочивается и развивается в общественных условиях и зависит от состояния здоровья тела, прежде всего гигиены и хорошего питания; затем она развивается посредством рациональных упражнений, воспитания, образования и применения правильных научных методов.

Коль скоро сделан вывод о том, что мысли, идеи появляются только в обществе, возникает вопрос о механизме процесса их образования и передачи. Уже в первобытных обществах первые весьма нелепые представления и первые идеи создавались не изолированно и самопроизвольно умом вдохновленных индивидов, но коллективно. Гениальные люди давали лишь наиболее верное или наиболее удачное выражение этой коллективной умственной работы.

Первым средством познания человеком окружающего мира на уровне обыденного, донаучного познания Бакунин считал способность к абстрагированию. Только человек одарен способностью абстрагирования, только абстрагирующее действие его мышления с объектами, которые его окружают, и с самим собой позволяет ему постигать, например, идею тотальности существ, Мироздания и абсолютной Бесконечности — идею совершенно отвлеченную, лишенную всякого содержания, но которая тем не менее продемонстрировала свое всемогущество в историческом развитии человека. Благодаря способности абстрагирования человек может сравнивать

* Там же. С. 332.

друг с другом внешние объекты и наблюдать их взаимоотношения, что составляет начало анализа и экспериментальной науки.

Весь процесс познания на уровне обыденного сознания Бакунин представляет в виде следующей схемы: сначала человек получает возможность комбинировать представления как внешних, так и внутренних объектов, данных ему чувствами, создавать из них группы, затем сравнивать и заново комбинировать эти различные группы, которые уже не являются действительными существами, объектами наших чувств, но лишь понятиями, созданными способностью рассудка, сохраненными нашей памятью; последующее комбинированное при помощи этой самой способности образует то, что мы называем идеями; затем из всего этого человеческий ум выводит следствия или логически необходимые применения.

Хотя абстрагирующая способность человека играла и играет колоссальную роль, история человечества, считает Бакунин, демонстрировала и демонстрирует ее недостаточность для познания мира. Способность отвлечения неминуемо привела человека к ложной идее верховного существа, к богу. Для правильного применения способности отвлечения нужно еще, чтобы наш ум занялся также тщательным изучением частных, без чего нельзя постичь живую действительность существ. «Следовательно, только соединяя эти две способности, эти два столь различных по видимости действия ума: отвлечение и скрупулезный, внимательный и терпеливый анализ частных, мы сможем возвыситься до действительной концепции *нашего* мира. Очевидно, что если наше чувство и наше воображение могут дать нам лишь образ, более или менее ложное представление о мире, только знание сможет дать нам о нем представление ясное и точное»*.

Так М. А. Бакунин подходит к вопросу о месте и роли научного познания (в его представлении оно было тождественно философскому познанию) в отличие от познания обыденного.

Очень броско звучит вторая часть заглавия книжки о Бакунине француза Г. Аврона «Михаил Бакунин, или Жизнь против науки»**, но она очень неадекватно передает действительное бакунинское отношение к науке, к научному знанию и познанию. М. А. Бакунин очень ценил науку, научное знание. Соответствующих его высказываний можно привести множество. Но приписываемый Бакунину мотив «жизнь против науки» возник тем не менее не случайно. Сам Бакунин признавал, что он на самом деле проповедовал «до известной

* Там же. С. 349.

** Avron H. Michel Bakounine ou la vie contre la science. Paris, 1966.

степени *бунт жизни против науки* или, скорее, *против правления науки*» и ставил перед собой целью «водворение науки на ее настоящее место...»*.

Прежде всего Бакунин считал, что по сравнению со всей окружающей человека действительностью, жизнью бесконечного мироздания, содержание науки беднее. В этом смысле он утверждал, что «у науки есть границы», что она — не все, что она только часть всего и что все — это «жизнь нашей солнечной системы или хотя бы нашего земного шара»; или, наконец, «человеческий мир — движение, развитие, жизнь человеческого общества на земле», «все это бесконечно пространнее, шире, глубже и богаче науки и никогда не будет ею исчерпано»; что «жизнь, взятая в этом всеобъемлющем смысле, не является применением той или другой человеческой... теории...»**.

Человеческая мысль, а следовательно, и науки, рассуждал Бакунин, в состоянии схватить лишь их общий смысл, общие отношения, общие законы действительных фактов; «мысль и наука могут схватить то, что постоянно в их непрерывных превращениях вещей, но никогда не их материальную, индивидуальную сторону, трепещущую, так сказать, жизнью и действительностью, но именно в силу этого быстротечную и неуловимую. Наука понимает мысль о действительности, но не самую действительность, мысль о жизни, но не самую жизнь. Вот граница, единственная граница, действительно непреходимая ею, ибо она обусловлена самой природой человеческой мысли, которая есть единственный орган науки»***. В чем конкретно проявляются «границы науки»? По Бакунину, во всех вещах существует сторона, которая не недоступна, но неуловима для науки. Эта сторона — «наименее существенное, менее всего внутреннее, наиболее внешнее и вместе с тем наиболее действительное и наиболее мимолетное, наиболее образное у вещей и существ: это их не ближайшая материальность, их действительная индивидуальность, как она представляется только нашим чувствам...»****. Эту сторону вещей не может удержать никакая рефлексия ума и не может выразить никакое слово, о чем он писал еще в своих статьях «О философии». Человеческое слово может выражать лишь общие определения, но не ближайшее существование вещей в той реалистической грубости, ближайшее впечатление о которой дается нам нашими чувствами. Индивидуальность вещи слово не выражает.

* Михаил Александрович Бакунин... С. 480.

** Там же. С. 286.

*** Там же. С. 476.

**** Там же. С. 439.

Наука же имеет дело лишь с тем, что выразимо и неизменно в вещах, т. е. с более или менее развитыми и определенными общими положениями. И поэтому наука «становится в тупик и спускает флаг перед жизнью, которая только и находится в связи с живой и чувственной, но неуловимой и невыразимой стороной вещей. Такова действительная и, можно сказать, единственная граница науки, граница истинно непреодолимая»*.

Человеческая индивидуальность, так же как индивидуальность самых инертных вещей, отмечает Бакунин, неуловима для науки, и поэтому он призывает живых индивидов остерегаться науки, чтобы она не принесла их в жертву какой-нибудь абстракции.

В своих рассуждениях о возможностях науки Бакунин был частично прав, но лишь частично. Реальная действительность на самом деле богаче содержания любого познания, любой науки и науки в целом. Наука не может дать ее цельного, полного отражения, она лишь вечно приближается к ее отражению. Научное познание лишь приблизительно охватывает единичное, отдельное, индивидуальное.

Но вместе с тем в бакунинских рассуждениях о возможностях и границах науки много ошибочного. Он неумеренно абсолютизировал живое созерцание, неправомерно противопоставив его абстрактному научному мышлению.

Абсолютизовав индивидуальное, частное, Бакунин допустил разрыв между всеобщим и отдельным. По сути дела он выразил определенное недоверие познавательным возможностям науки, ограничительно сформулировал ее задачи. Его формула «Единственная миссия науки это — освещать путь»** и теоретически и фактически означала, что никаких непосредственных, конкретных, практических рекомендаций по преобразованию социальной действительности наука не должна выносить, что практическое революционное движение не должно руководствоваться теорией, но исходить главным образом из стихии жизни и «жизненных инстинктов» ее участников, непонятно каким образом ставящих свои «инстинкты» под контроль разума.

Бакунинские определения «границ» науки внесли также значительный агностический элемент в его гносеологию. Но агностиком в полном смысле слова Бакунин не был.

Объект познания предстает у Бакунина разделенным на две части: с одной стороны, это «весь доступный познанию мир» и то, «что лежит за границами познания». Иногда об этой части он говорит как

* Там же. С. 440.

** Там же. С. 482.

о том, до чего «позитивной» и «рациональной науке» нет никакого дела. Но в других случаях оказывается, что все-таки и эта часть мироздания, «лежащая за пределами познания», его интересовала. Более того, «то, что лежит за пределами познания», недоступно не абсолютно, а относительно. Такие гносеологические тонкости, естественно, побуждают поближе присмотреться к тем фрагментам бакунинских сочинений, где эксплицитно выражены утверждения о том, что человек не должен предаваться надежде постичь когда-нибудь сущность видимого мира, что нелепо спрашивать, почему существуют естественные законы, и надеяться дать себе отчет в том, каким образом в мире установились естественные и общественные законы, что наука не должна претендовать на углубление во внутреннюю сущность вещей, должна ограничиться изучением их внешних отношений и законов и т. д.

Проблема «непознаваемости» сводится Бакуниным к идее невозможности знания всех бесконечных частных в бесконечно большом и бесконечно малом, причем оказывается, что с этой точки зрения знание о родной человеку земле лишь степенью конкретности отличается от знания о далеких мирах. Это — «непознаваемость» совсем в другом смысле, нежели непознаваемость в интерпретации кантианства и позитивизма. И совершенно неслучайно критика кантианского и позитивистского агностицизма — одна из важнейших и весьма пространно разработанных тем бакунинской гносеологической концепции.

Как же представляет себе Бакунин метод и процесс научного познания? Научное познание он разграничивает с обыденным познанием, которое дает лишь образ, более или менее ложное представление о мире, тогда как наука дает представление ясное и точное в тех познавательных границах, в которых она может функционировать. Логически исходным пунктом познания выступает у Бакунина чувственное познание. С его точки зрения, действительно человек может распознать только то, действительное существование которого засвидетельствовано ему чувствами. Различные научные методы, по Бакунину, сводятся в конечном счете «к личному и действительному установлению чувствами вещей и фактов <...>»*. Кто в познании отстраняется от отвлеченной мысли, тот никогда не доберется до действительности, до природы, до жизни. Гегель, вспоминает Бакунин, назвал качественным прыжок из мира логики в мир природы, живой действительности. Этот прыжок не удался еще никому, да никогда никому и не удастся. Живой, конкретно разум-

* Там же. С. 402.

ный ход в науке — это ход от действительного факта к обнимающей, выражающей и объясняющей его мысли.

Научный метод — это реалистический метод по преимуществу. Он идет от подробностей к совокупности, от установления изучения фактов к их сравнению, к идеям; при этом идеи суть лишь точное изложение отношений координации, последовательности и действия или взаимной причинности, которые действительно существуют между действительными вещами и действительными явлениями; их логика есть не что иное, как логика вещей.

Полная уверенность в действительности вещей, над которыми человек размышляет, дается ему действительной встречей с ними, их установлением, познанием в их целостности, без примеси фантазий, предположений и прибавлений человеческого разума.

Но за основу науки должен быть взят не только опыт одного человека. Никто не может все увидеть, все встретить, все лично испытать. Личный опыт отдельного человека, всех поколений подлежит научной критике. «<...> Наука основана прежде всего на координации массы современных и прошлых личных опытов, постоянно подвергаемых строгой взаимной критике»*. Единственной серьезной основой знаний, единственным началом, источником всех знаний, основой для науки выступает, по Бакунину, коллективный, или универсальный, опыт, под которым понимается действительное установление действительных фактов.

Однако наука не может остановиться на стадии наблюдений и экспериментов. Наука в собственном смысле начинается лишь с понимания вещей, явлений и фактов. Понять вещь, действительность которой сначала была должным образом установлена, — значит открыть, распознать и установить эмпирическим способом все ее свойства, ее прямые и косвенные отношения со всеми другими существующими вещами, открыть и установить последовательные фазы действительного развития факта, т. е. распознать его естественный закон.

На протяжении столетий понемногу устанавливается в науке система истин, или всеобщих признанных естественных законов. Эта система истин, постоянно сопровождаемая самым подробным изложением методов, наблюдений и экспериментов, а также историей исследований, с помощью которых она была установлена, с тем чтобы ее всегда можно было подвергнуть новому контролю и новой критике, становится вторым основанием науки и служит отправным пунктом для новых исследований, которые по необходимости развивают ее и обогащают новыми методами.

* Там же С. 399.

Каждая из частных наук (математика, механика, астрономия, физика, химия, геология, биология и социология, включая историю развития человеческого вида) создала и принесла с собой свой метод исследования и установления вещей и фактов, метод дедукций и заключений. Но все эти различные методы имеют, по Бакунину, «одно и даже первое основание, сводящееся в конечном счете к личному и действительному установлению чувствами вещей и фактов...». Все научные методы «имеют целью: построение мировой науки, понимание единства, действительной всеобщности миров, научное воссоздание великого Целого, Мироздания»*.

Человеческий разум в гносеологии Бакунина выступает единственным критерием истины, которая есть не что иное, как «правильное определение вещей и фактов, их развития или их естественной логики, которая проявляется в них. Это по возможности более строгое соответствие движения мысли с движением действительного мира, который есть единственный предмет мысли»**.

Поскольку в «рациональной философии» Бакунина большое место занимают проблемы, «лежащие по ту сторону познания», научная гипотеза становится у него средством избежать каких-либо уступок теологии и философской метафизике при их истолковании.

Признание Бакуниным чувственного познания за главное основание всех методов, эмпирии как исходного пункта процесса познания позволяет квалифицировать его как сторонника материалистически толкуемого сенсуализма и эмпиризма. Широкое применение им не только индуктивного метода, но также метода дедукции, признание правомерности научных гипотез в познании придают его гносеологической концепции рационалистический характер, что, собственно, и отражает одно из названий его философии — «рациональная наука».

* * *

На основании всего того, что сказано выше о взглядах М. А. Бакунина на бытие, природу и человека, познание, следует, что его утверждение 1870 г. о том, что немецкие коммунисты, а в их числе К. Маркс и Ф. Энгельс, правы, а идеалисты — нет, отнюдь не «фраза», как полагали некоторые авторы, и что в его онтологических, натурфилософских, гносеологических идеях нет ничего похожего на «низкопробный» идеализм, якобы только прикрытый материалистической фразеологией, как утверждали некоторые другие.

* Там же. С. 402.

** Там же. С. 368–369.

Сколь бы несовершенной ни была бакунинская философская концепция второй половины 60-х — первой половины 70-х годов XIX в. сравнительно с последовательным, зрелым марксистским диалектическим материализмом, перед нами весьма последовательная атеистическая и материалистическая концепция со значительными элементами диалектики. В понимании роли и задач философии Бакунин был весьма далек от позитивизма, хотя некоторое влияние позитивизма он испытал, истолковывая его в духе материализма и атеизма.

Убеждение Бакунина в том, что наука, теория — это лишь нечто вроде верстовых столбов, указывающих самое общее направление развития общественной жизни и стадии развития, а самая жизнь развивается при этом стихийно, самостоятельно, «самородно», не «руководимая» наукой, теорией, его осознанное нежелание и неумение сколько-нибудь органично связать теорию с практикой привели к тому, что между бакунинской теорией, особенно философией, и его анархистской практикой возник своеобразный разрыв.

Фактически Бакунин занимался теорией в гораздо большем объеме, чем этого требовала его ориентация на самостоятельное стихийное движение народных масс. Хотя Бакунин не считал себя ни ученым, ни философом, на деле он был не только революционером-практиком, но также социальным мыслителем и философом. Более того, в 60–70-х годах XIX в. он стал философом-материалистом общеевропейского масштаба, поскольку он отработывал свою концепцию, опираясь на общеевропейский мыслительный материал, и мыслил ее как «верстовой столб» не для одной какой-либо страны, а для всей Европы. Его философия отражала не только и даже не столько российскую действительность, сколько определенные фрагменты западноевропейской действительности. Но Бакунин сохранял также определенные связи с российской действительностью и освободительным движением. Его социологические и социально-политические идеи легли в основу анархистско-бунтарского направления русского народничества 70-х годов XIX в.

Известный разрыв между теорией и практикой у Бакунина позволяет говорить о том, что его философские взгляды не были прямо и непосредственно основой анархистской практической программы в полном смысле этого слова. Сам идеолог анархизма категорически отрицал необходимость теоретического обоснования этой программы, как, впрочем, и обоснования всякой строго научной программы революционного движения вообще. Речь в данном случае идет не о том, что между бакунинской теорией и практикой не было никакой связи. Речь идет о степени осознанной связи между ними.

Философские взгляды Бакунина не были осознанной «философией действия» в том смысле, в каком философия выступала таковой в других течениях революционной мысли и революционного действия. Объективно, независимо от воли мыслителя философские взгляды Бакунина второй половины 60-х — первой половины 70-х годов XIX в. были достаточно явно связаны с его собственно анархистскими идеями в том смысле, что из определенных философских положений следовали анархистские выводы, а с другой стороны, анархистские установки сказывались на теоретических принципах. И тем не менее между бакунинской философией и бакунинской практикой анархизма не только нет органической связи, но существует значительное противоречие. Из его философии можно было сделать и отнюдь не анархистские выводы. Напрашивается вывод: по своему теоретико-познавательному содержанию философские взгляды Бакунина имеют относительно самостоятельную, причем весьма значительную ценность, относительно независимую от собственно анархистской части его мировоззрения и практической деятельности. Если говорить об историческом значении и месте философских взглядов Бакунина, то нельзя пройти мимо того бесспорного факта, что собственно теоретических трудов он написал немного, его философские взгляды остались несистематизированными. Его самый крупный собственно философский труд «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительной природе и о человеке» был опубликован лишь в начале XX в. Поскольку, однако, его основные программные документы и многие работы были хорошо известны многочисленным сторонникам Бакунина и их принципы разделялись ими, можно говорить о широком влиянии бакунинских философских идей и в Западной Европе, и в России, особенно его антитеологизма и материализма. Воинствующий атеизм и материализм Бакунина — значительная страница в истории передовой западноевропейской и русской мысли второй половины 60-х — первой половины 70-х годов XIX в.

